

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕН: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛОСАКСОВ В СЕМАНТИКЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ АПЕЛЛЯТИВОВ

*Л.В. Гнаповская, кандидат филологических наук, доцент,
Украинская академия банковского дела*

Рассматривается функциональный статус антропонимической номинации в концептуальной картине мира индивидов, составляющих социум на определённом срезе его исторического развития. Идея соотношения языковой и концептуальной картин мира в семантике личного имени как социального гена демонстрируется на примере английских антропонимов германского происхождения.

Базисной посылкой в современных семантических исследованиях является утверждение о том, что природа языковой единицы определяется сложной и подвижной совокупностью множества факторов, которые в наиболее общем виде можно свести к следующим:

- *онтологические* (экстралингвистические) факторы, обусловленные объективной природой отображаемой в мысли и языке реальности;
- *концептуальные* факторы, обусловленные закономерностями отображения объективного мира сознанием человека;
- *языковые* (лингвистические) факторы, обусловленные собственными закономерностями, действующими в человеческом языке.

Характер влияния данного комплекса факторов на природу качественной определенности лингвистической единицы позволяет определить последнюю как некую закодированную информационную структуру. Её элементы содержат знания, “снятые” с различных концептуальных плоскостей, совокупность которых составляет концептуальную картину мира (ККМ) индивида как целостный глобальный образ мира, возникающий у человека в ходе его контактов с этим миром и являющийся результатом всей его духовной активности [2, с. 53]. При этом, по мнению М.К. Петрова, все многообразие форм взаимодействия индивида с окружающей его реальной действительностью можно в наиболее общем виде свести к двум существенно различным по типу, формам продукта и ориентациям видам человеческой активности: к деятельности, направленной на извлечение из окружения средств к жизни, и общению, направленному на изменение знания и, через изменение знания, на изменение принятых в данном обществе и передаваемых от поколения к поколению способов деятельности [7, с. 37]. Само знание в данном определении представляется в виде закодированной, сокращенной путем обобщения и типизации и свернутой в знаковой форме с целью передачи новым поколениям записи видов социально необходимой деятельности [2, с. 30].

Новое знание человека о мире формируется на основе его предыдущего опыта в социальном коллективе. Прошлый опыт выступает в роли некой пресуппозиции, а новое знание в ходе многочисленных социальных контактов индивида переходит в категорию прошлого опыта (знания), которое существует в человеческой памяти и “составляет информационную базу мышления”

[5, с. 159]. На каждом этапе указанного процесса посредником, обеспечивающим преемственность между знанием и новым знанием, сформированным индивидом в результате его общественно обусловленной деятельности (в том числе общения), выступает язык как семиотическая система, призванная в материальной форме языковых знаков (ЯЗ) опредмечивать многообразие форм контактов общественного человека с внеположенной ему действительностью и тем самым материализовывать идеальный результат деятельности сознания, анализирующего эти контакты. Язык, т.о., переплетается со знаниями о мире, извлеченная из памяти информация оказывается глубоко “вросшей” в схемы памяти, воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами, и ЯЗ при этом выступает в роли “социального гена”, передающего от поколения к поколению социокод как “основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие его институты общения” [7, с. 36].

Функционирование ЯЗ в качестве “социального гена” обусловлено его способностью фиксировать и неопределенно долго хранить значение. Последнее в современных семантических исследованиях определяется как “концепт, связанный знаком”, “мысленно кодируемая информационная структура”, т.е. как когнитивный феномен, образование которого объединяется с процессами концептуализации и репрезентация которого в ходе коммуникации должна вписываться в ряд различных ментальных процессов. Значение, т.о., – это своеобразное “окно”, через которое исследователь получает возможность проникнуть в концептуальное (психологическое) пространство мышления, скрытое от непосредственного наблюдения.

При этом ориентация когнитивной парадигмы в лингвистике прежде всего на проблемы интенциональности, ментальных структур и культурных концептов позволяет “последовательно распространить рефлексивный подход на бытие науки в сфере культуры” [1, с. 303]. В свою очередь, определяя *культуру* как “реализацию в земных условиях особого, высшего и последнего по времени модуса бытия – сознания, духа” [8, с. 70], мы тем самым получаем возможность проинтерпретировать само сознание как “значимый конституент бытия” [9, с. 67] и через его интерпретацию определить, что представляют собой “пакеты информации”, с которыми соотносимы разноуровневые языковые единицы, а также смоделировать ментальные процессы, сопутствующие речевой деятельности человека [2, с. 53].

Применительно к имени собственному (личному), категориальный статус которого в языковой системе до сих пор остается дискутируемой проблемой, такой подход представляется достаточно перспективным. Как отмечает Ю.М. Лотман, система собственных имен “образует не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой” на том основании, что “общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу” [6, с. 286-287]. Миф же представляет собой “наиболее раннюю /.../ форму мировосприятия, понимания мира и самое себя человеком, первоначальную форму духовной культуры человечества” [10, с. 12]. Поэтому

правомерно утверждать, что всякий антропоним как лингвистическая единица, семантическая память которой хранит не только диахронические следы своего языкового существования, но и предоставляет исследователю богатый и ценный культурологический материал, является своеобразным социальным геном – специфически закодированной информационной структурой, хранящей в материальной форме языкового знака сконцентрированный сгусток общественных отношений в том виде как они отражены в общественном сознании составляющих социум на конкретном временном и социальном срезе индивидов. В подтверждение данной мысли рассмотрим следующие ниже примеры.

Пример 1. Этимология современного английского имени Howard имеет множество толкований, среди которых выделяются такие источники происхождения имени:

- Howard – фамильное имя, пришедшее в современный английский антропонимикон как старофранцузское Huard, в свою очередь восходящее к древневерхненемецкому Hugihard:
Hugihard < hugu (“ум”, “душа”) + hart (“твердый, крепкий”);
- Howard < двн Howard, Howart < hōh (“высокий”) + wart (“стража”): букв. “главный страж, караульный”;
- Howard < среднеанглийских основ hog (“боров”) + warden (“страж”): букв. “тот, кто охраняет свиней” или “должностное лицо, ведавшее заготовкой свиней в данном округе”;
- Howard < древнеанглийских основ eown (“овца”) + heord (“пастух”), т.е. “пастух овец”.

Данное имя в каждом из толкований этимологии выступает в роли своеобразной антропонимической формулы, заключающей в себе свернутый фрагмент описания реалий англосаксонского общества. В “*Wordsworth Dictionary of First Names*” мы находим замечание о том, что данный антропоним является фамильным именем герцогов Норфолка. Это наталкивает на мысль о том, что фамильное имя эрлов Карлайла, Эффингема, Саффолка и Беркшира вряд ли могло произойти от основы, обозначающей “пастух овец” и тем более “страж свиней”.

Пример 2. Др.-англ. слово “frith” (мир) в качестве структурного компонента входит в состав таких английских ЛИ как жен. Fri(e)da (Freda) – “мир”; муж. Frederick – “мир” + “могущественный, богатый”; Ferdinand – “мир” + “отвага”; Geoffrey (Jeffrey) – “область, край” + “мир”; Godfrey – “бог” + “мир”; Humphr(e)y – “великан (воин)” + “мир”; Manfred – “человек” + “мир”; Siegfried (Seyfried) – “победа” + “мир”; Wilfred – “воля, желание” + “мир”; Winfred (Winfrid) – “друг” + “мир”. Данная лексема не уцелела в современном английском языке и сохранилась только в качестве элемента апеллятивных основ названных антропонимов, в чем повинно влияние французского слова “paix” (современное английское “peace”). Последнее появилось на Британских островах во времена правления норманского герцога Вильгельма I Завоевателя и постепенно вытеснило “frith” из диалектов англосаксонских областей. Однако, зафиксированность указанного элемента в составе германских антропонимов свидетельствует о релевантности обозначаемого им понятия в

контексте мировосприятия эпохи и может дать чрезвычайно интересный материал об этносоциальных процессах того периода.

Анализ характера коммуникативного общения как в целом обществ, находящихся в стадии разложения первобытнообщинного строя, так и отдельных индивидов и членов различных общностей, показывает, что концепт “мир” был ключевым в контексте англосаксонской (шире – общегерманской) культурно-исторической традиции. Идея “мира-родства” вписывалась в общую концептуальную модель этнического сознания того периода, которую в наиболее общем виде Г. Сюч определяет как “гентилизм”, т.е. психологическое противопоставление отдельных общностей “МЫ” – “ОНИ” (напр., англ и саксы, англосаксы и датчане и т.п.), основанное на чувстве принадлежности к единому роду [12, с. 255]. В представлении германских народов некая сила мира соединяла различные племена. При этом основой “мира” у англосаксов являлся договор, который заключался письменно и подкреплялся устно определенными действиями.

Лексема “frith” встречается в англосаксонских законах наряду со словами “sib” (“родство, род”) и “cuth” (“известный”, а значит “родной”) уже в IX веке [11, с. 91]. По свидетельствам историков, лексемы “sib” и “cuth” употреблялись в официальных документах для заключения мирных соглашений, носящих в своей основе кровнородственные связи. Понятие же, обозначенное словом “frith”, выражало смысл “мир – мирные отношения” и объединяло две различные этнические общности, не опираясь на какое-либо родство. Так, в законах короля Альфреда можно найти следующую статью: “Это есть мир (“frith”), который король Альфред и король Гутрум и уитаны всех родов англов и всего народа в целом, что проживает в восточной Англии, вместе заключили и клятвами укрепили за себя самих и за своих потомков как рожденных, так и (еще) нерождённых, которые пользуются милостью Господа или нашей”. Подобным образом осмыслен “мир” (“frith”) в договоре королей Эдуарда и Гутрума: “/.../ как англ и даны пошли на постоянный мир (“frith”) и дружбу /.../”, а также в законах короля Этельреда: “Если сотоварищ по миру (“frith-man”) короля Этельреда прибудет в немирную страну (“unfrith land”) и тут подходит войско той земли, так пусть его король и всё его добро имеют мир (“frith”), т.е. “неприкосновенность”. Приведенная статья является одним из пунктов мирного договора, заключенного между англосаксами и датчанами. В 1018 году при помощи “frith” король Кнут также утверждает мир между датчанами и англосаксами: “Именем Господа. Это есть предписание, которое определено и решено мудрейшими соответственно со многими добрыми предварительными условиями; пусть будет, как только король Кнут по совету своих уитанов установил, что мир (“frith”) и дружба (“freondscipe”) между датчанами и англами, и пусть будет положен конец всем их разногласиям” (перевод Е.А. Шервуд [11, с. 91-92]).

Как видим, опорой “frith” выступало не кровное родство, а дружба. При этом концепт “frith” нес оттенок оформляющейся государственности и, будучи абстрактным понятием, объединял людей как внутри одной этнической общности, так и лиц различных этнических групп не по принципу родства, а на правовой основе возникающего государства.

Приведенные примеры – достаточно убедительное, на наш взгляд, доказательство того, что ЛИ как лингвосоциальный знак человека-личности представляет собой специфическую вербализованную информационную структуру, отражающую определённые закономерности включения именуемого объекта в общую систему социально обусловленной деятельности последнего. Именно в понятии деятельности Е.С. Кубрякова усматривает ключ к формированию той сетки концептов, которые входят в концептуальную систему человеческого сознания и, возможно, предшествуют языку. Только в процессах деятельности, имеющих в своих истоках чисто человеческие устремления, мотивы, причины, потребности и характеризующихся на этом основании своими установками и целями, происходит, по мнению исследователя, рождение структур сознания и структур знания [3, с. 77-78]. Сознание как интеллектуальная способность мыслящего индивида выделять себя в окружающем мире формирует сеть жизненных представлений человека – его концептуальную картину мира как “акт миропонимания, зависящий от призмы, через которую совершается мировидение” [8, с. 55]. Рожденная коллективным сознанием, ККМ “выходит на поверхность” в семантике разноуровневых языковых единиц, которые в свою очередь участвуют в формировании единой, целостной языковой картины мира (ЯКМ) [8, с. 177]. Последняя, будучи по своему содержанию уже ККМ, закрепляет в памяти сообщества образцы наиболее важных моментов бытия человека, необходимых для его адаптации в природной и социальной среде, и каждый отдельный акт номинации как косвенное свидетельство факта “остановленного” внимания на одном из компонентов человеческой деятельности демонстрирует заинтересованность номинатора в отдельном выделении именно этого компонента.

Список литературы

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.
2. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: Слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – К.: ИСИО, 1993. – С. 48-56.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН ИЯ, 1997.
4. Левин И.Д. “Шестой план” // Историко-философский ежегодник '91. – М.: Наука, 1991. – С. 271-306.
5. Левицкий А.Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – Житомир: АСА, 1998.
6. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам: Учён. зап. / Тартуский гос. ун-т. – 1973. – Вып. 308. – Т. VI. – С. 282-306.
7. Петров Н.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991.
8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Серебрянников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. – М.: Наука, 1988.
9. Сватко Ю.И. Мир имени: явленность смысла (Ещё одна попытка осмысления философии имени) // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. – Харьков: Око, 1993. – С. 3-68.
10. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 11-20.
11. Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа). – М.: Наука, 1988.

12. Szücs G. "Nationalität" und "Nationalbewusstsein" im Mittelalter // Acta Historica. –1972. – Vol. XVIII. – #3-4. – S. 251-273.

Summary

Functional status of a personal name in the language system is viewed in terms of cognitive linguistics. The idea of correlation between the conceptual and language mapping of the world is demonstrated in respect to English anthroponyms of Germanic origin, the latter being treated as specific social genes.

Гнаповская, Л.В. Личное имя как социальный ген: концептуальная картина мира средневековых англосаксов в семантике антропонимических апеллятивов [Текст] / Л.В. Гнаповская // Сучасна картина світу: інтеграція наукового та позанаукового знання: зб. наук. праць. – Суми: УАБС НБУ, 2004. – Вип. 3.– 310 с.